

Глава 10

В хозяйстве Чэнь имелись две повозки, запряженные мулами. Одна — простая телега для перевозки грузов, другая — крытый возок с деревянным верхом, точь-в-точь такой, какие Ван Ин видел в исторических сериалах.

В прошлый раз, возвращаясь в деревню Ванцзячжай, они брали именно этот экипаж. Сегодня дядя Чэнь остался дома, и место возницы занял Люцзы, отвечавший за закупки. Внутри, на узких скамьях, теснились Ван Ин, Чэнь Цинъюнь и матушка Тянь. К слову сказать, Люцзы был сыном матушки Тянь.

Муличья повозка неспешно катилась по грунтовой дороге. Отсутствие хоть какой-то амортизации превращало поездку в сущее испытание: от постоянной тряски всё тело начинало зудеть, а кости — ныть.

Впрочем, Чэнь Цинъюнь неудобств не замечала. Сгорая от любопытства, она прильнула к оконцу, жадно разглядывая проплывающие мимо пейзажи — ведь в поместье она ехала впервые.

— Барышня, ну куда вы лезете, сядьте смирно, — бледная как полотно матушка Тянь судорожно вцепилась в борт повозки. — Не ровен час, вылетите на дорогу.

— Ничего не случится, — отмахнулась девушка. — Не упаду я.

Ван Ин тоже поглядывал наружу. Куда ни кинь взор — повсюду колыхалось море зелени: изумрудные склоны гор, синяя гладь воды и сочные ростки на полях. Поначалу зрелище радовало глаз, но вскоре от бесконечного однообразия красок начало рябить.

Сейчас была пора активного роста. Местные крестьяне в пятом месяце, едва убрав пшеницу, спешили засеять освободившиеся площади просом, чумизой и бобами. Однако двойной урожай за один год сильно истощал почву, поэтому каждые пару лет земле давали отдохнуть, оставляя её под паром на полгода.

Люди в эту эпоху уже научились использовать навоз и отходы в качестве удобрений, но запасы их были скудны. Удобрять удавалось лишь малую часть угодий, большинство же пахарей по-прежнему полагались лишь на природную силу земли да на милость небес.

— Цинъюнь, а ты знаешь, что именно здесь растёт? — спросил юноша.

Девушка лишь растерянно мотнула головой.

— А вы, невестка, разве знаете?

— Присмотрись к тому участку, где зелень потемнее — там колосится просо. Рядом, где ростки светлее — это чумиза. А вон те круглые листья принадлежат бобам.

В Северном Китае климат был засушливым, поэтому рис здесь выращивали крайне редко.

— Ого! И как вы их различаете?

В своей прошлой жизни Ван Ин только этим и занимался, но признаться в этом, конечно, не мог.

— Дома на полях много работал, вот глаз и набился.

Матушка Тянь искоса глянула на гэ'эра. Она никак не могла взять в толк, о чём думала госпожа, вверяя бразды правления этому деревенскому выскочке. Видеть, как тот важничает, получив толику власти, было невыносимо. Больше всего её грызла тревога за сына: как бы новый хозяин не перекрыл Люцзы возможность иметь «свой интерес» на закупках.

Внезапно повозка на всём ходу угодила в глубокую рытвину. Пассажиров подбросило, словно мячики. Ван Ин и Цинъюнь удержались, а вот старуха, не ожидавшая подвоха, полетела напрямиком на пол, приложившись лицом.

Её тут же подхватили под руки, помогая подняться. Матушка Тянь, не скупясь на ругательства, откинула полог и закричала на сына:

— Ах ты, охламон! Как ты правишь?! Угробить родную мать вздумал?!

Люцзы, получив нагоняй, не смел и слова вставить. Он лишь покорно замедлил ход, и к полудню путники наконец добрались до места.

Поскольку о визите не предупреждали, встречать их никто не вышел. Это поселение называлось Чэньцзячжуан. Оно во многом напоминало деревню Ванцзячжай — здесь тоже насчитывалось около сотни дворов.

Все окрестные земли принадлежали семье Чэнь. Поскольку Четвертый господин Чэнь в своё время сдал экзамен на степень цзюйжэня, эти владения были освобождены от поземельного налога. Однако подушную подать — налог на взрослых мужчин — крестьяне обязаны были платить сами.

В прошлом году эта подать составляла двадцать три вэня с человека. На первый взгляд — сумма ничтожная, но если в семье пятеро-шестеро мужчин, выходило больше сотни вэней. Для арендаторов, чья жизнь полностью зависела от капризов природы, это было тяжким бременем.

Повозка остановилась у дома старосты. За низким плетнём виднелись приземистые саманные постройки. Во дворе на невысокой скамеечке сидела пожилая женщина и споро крошила траву для уток. Заметив экипаж, она замерла, а затем, спохватившись, торопливо засемила к калитке.

— Неужто хозяева пожаловали?

Люцзы натянул вожжи:

— Тпр-ру! Приехали вторая барышня и супруг старшего молодого господина.

Услышав это, старушка пала ниц, намереваясь отвесить земной поклон.

Ван Ин, не раздумывая, спрыгнул на землю и подхватил её под локти.

— Что вы, матушка, не нужно! Поднимитесь скорее.

Эта женщина была матерью старосты Чэнь Си. Если мерить по родству, юноше следовало бы звать её А-по — бабушкой.

Старушка поднялась. Её мутные глаза украдкой изучали гостей.

— Путь-то неблизкий... Барышня и молодой господин, небось, и не ели ничего? Я сейчас пошлю деток за своими, пусть пообедать соберут.

Ван Ин и впрямь проголодался — утренний завтрак давно испарился в дороге, так что отказываться он не стал.

— Сделайте что-нибудь поскромнее, — попросил он.

Старушка радостно закивала:

— Сейчас, сейчас всё будет. Да Я, Хуцзы! Бегите скорее в поле, зовите деда с отцом!

— Бежим! — из дома выскочили двое босоногих малышей лет пяти и, сверкая пятками, припустили в сторону пашни.

— Проходите в дом, отдохните с дороги. Я вам водицы принесу.

— Спасибо за заботу.

Внутри хижины было сумрачно и тесно, но прибрано. Саманный дом состоял из трёх комнат: посередине — кухня, служившая одновременно горницей, а по бокам — спальни.

Стены кухни были закопчены до черноты, обстановка в жилых комнатах тоже не поражала изыском: кровать да пара сундуков. На стенах висели пуки соломенных верёвок — видимо, их вили в свободное от полевых работ время. Днём, когда окна были открыты, в комнатах гулял свежий воздух, и никаких неприятных запахов не чувствовалось.

Чэнь Цинъюнь, впервые оказавшаяся в деревне, с любопытством озиралась по сторонам. Ван Ин усадил её на деревянную постель.

Он вдруг подметил одну странность: в Северном Китае зимы были суровыми, температура часто падала ниже нуля, и логичнее было бы строить каны — обогреваемые кирпичные лежанки. Однако и в Ванцзячжай, и здесь, в Чэньцзячжуан, крестьяне спали на обычных деревянных кроватях.

Богачи зимой грелись у жаровен, бедняки же просто кутались в одеяла, не покидая постели. Неужто традиция строить каны ещё не дошла до этих мест?

Пока он размышлял, вернулась А-по с двумя чашами воды.

— Прошу вас, барышня, господин, испейте.

Цинъюнь приняла глиняную чашу, но стоило ей поднести край к губам, как в нос ударил резкий кислый запах. Её едва не вывернуло наизнанку.

— Что это за вонь?! — воскликнула она, отстраняя чашу.

Старушка испугалась:

— Неужто вода плохая? Вы не сердчайте, барышня, вот Сицзы вернётся, он вам плодов свежих с дерева сорвёт.

Ван Ин поспешил успокоить её:

— Всё в порядке, А-по. Просто Цинъюнь не привыкла к вашей воде.

На самом деле причина была в грубой керамике. На пористых стенках чаши неизбежно скапливались микроскопические остатки пищи, которые в летнюю жару быстро закисло, источая зловоние. Деревенские жители, привыкшие к такому с детства, ничего не замечали, но Чэнь Цинъюнь, выросшая среди тонкого фарфора, не могла вынести этого запаха.

Юноша легонько сжал локоть сестры:

— Потерпи немного. В деревне везде так.

Вскоре во дворе послышались быстрые шаги. Вернулся староста Чэнь Си со своей женой, госпожой Ян, а следом за ними — трое сыновей и старшая невестка.

— Хозяева приехали! Что ж вы не предупредили? — с широкой улыбкой вошёл Чэнь Си. Был он невысокого роста, коренастый, с кожей, потемневшей и задубевшей под палящим солнцем. Одетый в короткую куртку из грубой ткани, он выглядел человеком основательным и простодушным.

Ван Ин и Чэнь Цинъюнь поднялись навстречу.

— Приветствуем, староста Чэнь.

Чэнь Си тут же вознамерился пасть на колени, но юноша удержал его.

— Не нужно этих церемоний. По старшинству мне следовало бы звать вас дядюшкой.

— Что вы, помилуйте... — староста замялся, не зная, как величать Ван Ина.

Матушка Тянь, откашлявшись, высокомерно пояснила:

— Это наш новый молодой господин.

— Молодой господин, — поклонился тот.

Ван Ин кивнул:

— Не стесняйтесь, Чэнь Си.

— Да-да, — ответил староста, но по его напряжённой осанке было видно, что он всё ещё чувствует себя не в своей тарелке. Он не знал нрава нового управляющего и до смерти боялся чем-нибудь прогневить хозяев.

Стоявшая у порога жена старосты тихо шепнула:

— Гости-то голодные. Пойду курицу зарежу.

— Пойдите, не стоит так утруждаться, — попытался возразить Ван Ин.

Чэнь Си горячо поддержал супругу:

— Никаких хлопот! Птица молодая, вмиг уварится.

Ван Ин хотел было сказать, что в крестьянском хозяйстве каждая курица на счету — это ведь и яйца, и лишняя копейка в дом, но в этот момент со двора донесся предсмертный куриный крик. Слова застряли в горле.

— Дашунь, достань из амбара кусок солонины, вместе потушим. А ты, Эршунь, дуй в соседнюю деревню, купи полцзиня вина.

— Вина не нужно, — вмешался Ван Ин. — Мы все трое не пьем.

Убедившись, что гости и впрямь не притронутся к хмельному, Чэнь Си не стал настаивать.

— А почему старший молодой господин не приехал? Последний раз я его видел на похоронах хозяина, почитай, три года пролетело, — посетовал староста. Новости доходили до поместья долго, и он ещё не знал о болезни Цинъяня.

Ван Ин не моргнув глазом солгал:

— Цинъянь немного простудился. В следующий раз обязательно приедет.

— Пусть молодой господин бережёт себя! А когда поедете обратно, возьмите с собой земляных червей. Если их высушить, измельчить да в воде заварить — лучшего средства от хвори не сыскать.

Юноша поблагодарил его.

— Присаживайтесь, староста. Мы приехали не по какому-то важному делу. Просто хотелось взглянуть, как обстоят дела на полях. В последние годы в доме было много хлопот, свекровь слаба здоровьем, вот и не выбиралась сюда. Теперь хозяйством занимаюсь я, так что приехал познакомиться лично.

Чэнь Си, обтирая ладони о штаны, пристроился на краю низкого табурета.

— Вам стоило лишь слово передать, мы бы сами явились на поклон. Зачем же было такую даль ехать.

Заговорив о земле, он заметно приободрился и принялся за отчет:

— В нашем поместье сейчас числится двадцать семь цинов и шестьдесят му хорошей земли. Плохой же земли — десять цинов и семнадцать му.

— Так много? — Ван Ин был поражен. Он полагал, что земли здесь около двухсот му, а по расчетам выходило, что за три сотни перевалило!

— Так точно. Эти угодья занесены в реестры, и налог с них платить не нужно. Есть ещё участки, которые люди сами в пустошах расчистили, их в книгах нет. С них крестьяне налог платят государству сами, а мы с этой доли ничего не берем.

Ван Ин понимающе кивнул. Это были своего рода приусадебные участки. Земля там была скудная, росла в основном фасоль, и забирать у людей последнее было бы верхом несправедливости.

— А что на хорошей земле посеяно?

— Пшеница и просо.

— И только?

Чэнь Си пояснил:

— Пшеницу сеем под зиму, весной урожаем снимаем. А у проса урожайность повыше, чем у чумизы, вот люди его и предпочитают.

Была и ещё одна причина: просо при варке становилось мягким и клейким, что было удобно для стариков и детей. Рассказав об угодьях, староста сам перешел к «плохим» землям:

— На нижних полях в основном бобы сажаем. Но ведь земля — она не вечно плодородная. Бывает, истощится участок, силы потеряет — мы его в разряд «плохих» переводим. Даем год-другой отдохнуть, а как в себя придет — снова под пшеницу пускаем.

Ван Ин согласно кивнул. Вековой опыт крестьян, добытый потом и мозолями, стоил сотен заумных трактатов.

— В этом году яровая пшеница похуже уродилась. Зимой снега почти не было, да и весна засушливой выдалась. Но наши верхние поля всё же получше других хозяйств держатся.

Юноша едва сдержался, чтобы не выдать себя. Его сорт «Чанфэн-3» был просто создан для

такого климата, но время ещё не пришло.

— Зерно пока сохнет. Через несколько дней в город приедут скупщики, тогда всё продадим, и я самолично привезу деньги в дом.

Свежесобранную пшеницу нельзя сразу засыпать в закрома: её нужно обмолотить и хорошенько просушить. Поскольку машин в помине не было, крестьяне по старинке работали цепами.

Вскоре по дому поплыл дразнящий аромат. Деревенская кухня не знала изысков: курица, тушенная в одном котле с капустой и редькой — вот и всё праздничное блюдо.

Госпожа Ян внесла на стол огромную чашу, доверху наполненную мясом. Не пожалели для гостей и серой муки, из которой напекли лепешек. В довершение всего на свином жиру зажарили три яйца — такой стол для крестьянской семьи был богаче новогоднего пиршества.

— Молодой господин, барышня, прошу к столу.

— А где же остальные? — удивился Ван Ин. — Столько еды, зовите всех.

— В котле ещё осталось, бабы с детьми во дворе похлебают, — отмахнулся Чэнь Си.

За стол вместе с ними сели только староста с сыновьями да матушка Тянь. Чэнь Си осмелился взяться за палочки только после того, как гости начали трапезу. Он осторожно выбирал кусочки редьки и капусты, пропитавшиеся жиром — для него это было лакомством неземным.

Чэнь Цинъюнь, едва прикусив лепешку, отложила палочки. Она никак не могла забыть тот зловонный сосуд, и теперь любая еда казалась ей сомнительной.

Ван Ин же, напротив, ел с аппетитом. Густая деревенская похлебка напомнила ему детство, когда бабушка точно так же томила курицу в печи.

Посреди обеда со двора донесся детский плач и приглушенный, сердитый голос женщины:

— Ах ты, утроба ненасытная! Сгинь с глаз моих! Пока гости не уедут — и не думай!